

О ДЕМОНСТРАЦИЯХ.

Дни идут за днями, но не походят один на другой. Давно ли люди, мнившие себя опытными «практиками»¹, старались убедить «теоретиков» в том, что «толковать рабочей массе в России об уничтожении капитализма, о социализме, наконец, об уничтожении самодержавия вообще нелепость», и резко порицали группу «Осв. Труда» за то, что она будто бы хотела «взять самодержавие на уру». Теперь голоса таких «критиков» окончательно смолкли, теперь даже неисправимые «экономисты» стараются придать своим речам политический оттенок, и теперь, повидимому, в самом деле появились люди, думающие, что самодержавие может быть взято «на уру» одним энергичным усилием. Кто напоминает этим людям, что наша победа над царизмом еще не близка, того они упрекают в «расхолаживании» революционеров. Это, конечно, необдуманные упреки: серьезных революционеров не расхолодишь никакими напоминаниями о продолжительности предстоящей им борьбы, а на кого такие напоминания могут подействовать угнетающим образом, тот горяч лишь на поверхности. Победят врага не те, которые ежедневно твердят, что мы переживаем «канун революции», а те, которые готовы неустанно исполнять всю—как праздничную, так и будничную—работу, необходимую для скорейшего наступления кануна революции. Те крестоносцы, которые, едва выступив из своих деревень, при виде каждой колокольни спрашивали: «не это ли Иерусалим?», не попали в Палестину. Иерусалим был взят теми опытными воинами, которые знали дальность ожидавшего их пути и приняли меры для преодоления его трудностей. В нашем деле самообман опаснее для нас, чем все военные хитрости нашего коварного неприятеля.

Демонстрации, ознаменовавшие собою начало 1901 г., повторились в его конце. Все заставляет думать, что и новый—1902 г. будет таким же, если не более, бурным, как и его предшественник. Рабочий класс принимает самое деятельное участие в демонстрациях; по большей части он составляет главную их силу. Но не будем обманывать себя словами. Рабочий класс оказывается представленным в демонстрациях лишь некоторыми своими слоями. Он еще не двинулся всей своей массой. Исключение из этого правила составляют разве лишь известные московские волнения. И именно тем, что не вся рабочая масса участвует в демонстрациях, объясняется то, что полиция пока еще очень легко справляется с «нарушителями порядка». Она еще нигде не встретила отпора. А отпор психологически необходим, потому что, если его еще долго не будет, то демонстрации станут утрачивать свое воспита-

тельное влияние на массу и приобретать в ее глазах значение опыта, доказывающего полную невозможность открытого сопротивления власти. И тогда неизбежно и естественно возникнут такие формы борьбы, которые отдалят революционеров от рабочей массы и чрезвычайно сильно затруднят им решение их важнейшей задачи, о которой они не должны забывать нигде и никогда,—задачи систематического и неуклонного содействия всестороннему развитию классового самосознания пролетариата. Кто умеет ценить воспитательное значение демонстраций и кто желает сохранить это их значение, тот должен всеми силами стремиться к тому, чтобы они все более и более приобретали массовый характер. Там, где массовые демонстрации еще невозможны, лучше до поры до времени не выходить на улицу. Но зато там надо с тем большей энергией и немедленно же взяться за подготовку массовых демонстраций.

До сих пор на эту сторону дела не было обращено достаточного внимания. Перед нами лежит письмо, полученное редакцией «Искры» несколько недель тому назад из одного университетского русского города и прекрасно подтверждающее справедливость наших слов. «Вот теперь,—говорит автор письма,—опять начались студенческие волнения, грозящие разрастись в новые „беспорядки“. Кажется, давно бы пора выпустить к рабочим прокламацию, излагающую ход событий в студенческой среде, объясняющую причины волнений и т. д., но ничего подобного не делается. Не знаю, чем это объяснить... Почему не сообщить рабочим о том, как борются за свои права студенты, почему не выяснить значения их борьбы с министерством народного просвещения в общей борьбе всех оппозиционных элементов с правительством, не указать на стойкость и взаимную поддержку учащихся разных городов?... Интеллигенция как будто довольствуется тем, что две-три сотни рабочих, сконцентрированные в ее кружках, знают обо всем, что творится кругом ее... до той же массы, которая скрывается за этими избранныками, ей никакого дела нет»...

Мы не хотим ручаться за то, что в этой картине нет никаких преувеличений. Отнюдь не хотим! Мы прекрасно знаем, что преувеличения вполне возможны в устах и под пером того, кто, близко и внимательно наблюдая ход дорогого ему дела, особенно поражается замеченными им упущениями и недостатками. Но что указанные автором письма недостатки и упущения действительно существуют, это для нас не подлежит сомнению. Политическая агитация в массе еще недостаточно облумана, широка и систематична. Рабочая масса, взятая в ее целом, еще мало знает о том, что делается в тех рабочих и «интеллигентных» слоях населения, которые уже вполне прониклись духом «беспо-

рядка». Поэтому она и не оказывает этим слоям всей той поддержки, которую она могла бы и должна была бы оказывать. Если бы демонстрациям предшествовала обдуманная, систематическая и широкая агитация в рабочей массе, подобная той, которая имеет место в студенческой среде, где перед каждой большой демонстрацией происходит множество подготовительных совещаний и собраний, — то на наш призыв откликнулись бы не тысячи, а десятки тысяч рабочих, и тогда мы повели бы с нашими «усмирителями» совсем другой разговор.

Верно, конечно, и то, что обдуманная, деятельная и широкая агитация в массе для подготовки целесобразных демонстраций сама предполагает существование стройной и прочной организации сил революционной соц.-демократии. Но без такой организации нам теперь вообще невозможно обходиться.

Скажем еще раз: демонстрации должны теперь приобретать все более и более массовый характер. Но этого мало. На каждой демонстрации надо уметь противопоставить полицейским бесчинствам организованное сопротивление. Как организовать сопротивление? Лучший ответ на этот вопрос будет дан, разумеется, опытом. Но за опыт придется платить страшно дорого. Поэтому нам следует заранее прислушиваться ко всем практическим указаниям, идущим из лагеря противников нашего нынешнего политического строя.

Не так давно вышедшая за границу брошюра «Об уличных беспорядках (мысли военного)» дает нам несколько советов на счет того, как сопротивляться организованной и вооруженной силе царского правительства. Правда, автор брошюры приурочивает свои советы к такому моменту, который еще не настал, и пока еще неизвестно, когда настанет. Он советует в самом начале борьбы народа с войском как можно скорее «из'ять из обращения» гражданское, поли-

цейское и военное начальство. Этот совет сам по себе очень недурен. Революция, вероятно, и сделает рекомендуемый автором смелый шаг в то время, когда она, крепко организовав свои силы и приобретя решительное влияние на народную массу, а, следовательно, и на весь ход общественных событий, окажется в состоянии взять на себя почин вооруженного восстания для нанесения последнего, смертельного удара издыхающему царизму. Это будет счастливое время. Но теперь мы вынуждены ставить себе более скромные практические задачи, без предварительного решения которых указанное счастливое время никогда не станет для нас настоящим временем. А в числе этих задач одно из самых первых мест занимает, по нашему мнению, организация такого сопротивления, которое, не будучи — пока еще преждевременным — открытым восстанием, вместе с тем обеспечило бы участникам демонстраций возможность давать хорошую сдачу полицейско-казацкой орде. Но и в этом смысле советы автора названной выше брошюры представляются нам далеко небесполезными. Он пишет, напр.: «В современной народной толпе есть элемент очень ценный с точки зрения силы, могущей быть противопоставленной силе войска... Среди рабочих имеется не мало запасных воинских чинов всех родов оружия. Есть пехотинцы, есть кавалеристы, есть артиллеристы... Сгруппировавшись по родам оружия, разделившись на десятки, с выбранным начальником во главе, рабочие из запасных воинских чинов во время волнения будут центрами, около которых сами собой группируются разрозненные элементы толпы.

«Организованные в мирное время „десятки“ — во время волнений явятся кадрами народного войска.

«Люди „десятка“ должны хорошо знать друг друга, должны быть в состоянии доверять друг другу и вполне

БЕСЕДА ПО ПОВОДУ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Имеющиеся у нас письма читателей рабочих с разных концов России показывают, что мы не ошибались, когда, предпринимая свое дело в период господства «экономизма», рассчитывали, что выдвигаемые нами задачи обратят на себя внимание нашей рабочей интеллигенции. Здесь мы познакомим читателя с некоторыми отзывами, позволяющими судить, что ценят сознательные рабочие в социал-демократической литературе и как они начинают ставить партийные задачи.

Первое письмо, подписанное «Рабочий юга», наполнено самыми горячими приветствиями «Искре». Опуская их, поскольку это можно сделать, не искажая мысли автора, приведем те места из письма, в которых автор указывает на причины успеха политической газеты среди рабочих.

«Каждая статья „Искры“ — передовая, из общественной жизни или хроники, или, что еще очень важно, из заграничной жизни, — каждая из таких статей, повторяю, является выражением теперешнего духа времени и... разрешает то, что так волнует нас, рабочих, и очень нас удовлетворяет во всех отношениях. „Искра“ первая указала нам, рабочим, что мы должны интересоваться не

только одним рабочим движением, но и жизнью и движением всего народа и общества. „Искра“ первая высказала вслух, что в революции в России примут участие, кроме рабочих, и крестьяне и общество. Мы, рабочие, не можем не высказать редакции нашу сердечную благодарность за то, что она вывела из узкого круга мыслей и понятий нас, которые не могли не сомневаться в возможности совершения революции одними рабочими, и обратила наше внимание на все слои общества, которые частью также заинтересованы в радикальном изменении существующего строя. Этим указанием „Искра“ разрешила сомнения в возможности революции и ободрила рабочих, которые почувствовали себя и сильнее и не одинокими».

Мы здесь должны заметить, что в этом отношении «Искра» только популяризировала ту идею, которую всегда отстаивала группа «Освоб. Труда» (Плеханов, Аксельрод, Засулич). Русские рабочие, понявшие всю необходимость широкой политической агитации во всех классах общества и приветствующие нас за постоянное подчеркивание этой необходимости, осудят тех недалеких «интеллигентов», которые долго боролись с гр. «Осв. Труда», между прочим, и по этому вопросу и сильно тормозили переход нашего движения на этот широкий путь.

полагаться друг на друга... Во время боя люди десятка должны во что бы ни стало держаться вместе»...

В другом месте брошюры автор обращает внимание своих читателей на ту пользу, которую может принести протянутая поперек улицы (на аршин от земли) проволока. По его замечанию такая проволока может остановить движение конницы и артиллерии и породить очень полезную для революционеров сумятицу.

Наконец, отметим еще вот какие советы нашего автора: «Пехоту следует окружать со всех сторон, стеснять, разобщать солдат друг от друга и от их офицеров».

«Солдатам же следует заранее внушать, что не против них бьется народ»...

Все это очень похоже на полную и чрезвычайно полезную правду, и мы от всей души благодарим г. «военного» за его «мысли».

Конечно, дело не в частностях. Запасные рядовые могут быть организованы не в «десятки», а как-нибудь иначе. Рядом с ними могут возникнуть и, вероятно, возникнут другие боевые единицы из рабочих и студентов. Очень возможно, что боевые дружины этого последнего рода окажутся даже более соответствующими свойствам нашей революционной среды. Но верно то, что мы уже теперь можем приступить к организации сопротивления во время демонстраций. Когда мы организуем его, тогда полицейские кулаки и казацкие нагайки перестанут безнаказанно гулять по головам и по спинам студентов, рабочих и «посторонних лиц».

Эти соображения о пользе, которую могло бы принести нам создание подвижных боевых дружин, снова приводят нас к мысли о необходимости общей, централизованной организации сил революционной социал-демократии. Высказать эту мысль — значит повторяться. Но повторения в этом случае неизбежны, и мы не

боимся их. С терпением перса, поневоле каждый день повторявшего своему господину: «царь, помни об афинянах», мы добровольно будем твердить нашим товарищам: помните, что нам надо сорганизоваться!

[Г. Плеханов]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Демонстрация в Екатеринославе. Демонстрация была назначена на субботу 15 декабря в 5—6 час. веч. Сборным пунктом был назначен угол Караимской и Екатерининского проспекта. Полиция знала об этом. В городе по целым дням до демонстрации разгуливали солдаты и раз'езжали с нагайками казаки. Всюду на столбах были развешены объявления за подписью губернатора, в которых запрещались всякие собрания на улицах. Но, несмотря на полицию, в назначенное время все начали собираться. В демонстрации принимали участие студенты и рабочие, — главным образом, рабочие: их участвовало около 300 чел. Были выброшены красные флаги, пели «Дубинушку» и другие революционные песни. Но сейчас же появился батальон солдат и казаков, и началось обычное избивание. Били прикладами ружей, били нагайками. Одного студента до того избили нагайками, что, по слухам, он уже умер (за достоверность не ручаюсь), другому нанесли серьезное поранение черепа, но он, по всей вероятности, останется жив. Словом, на улицах творилось нечто ужасное, нельзя было выйти из дому, не рискуя быть избитым нагайками. Арестовано много студентов, между прочим: Шахнович, Корбе, Носов, Островский, и, кажется, Каргин и Паршин. Было арестовано и избито также много барышен. Говорят, что одна барышня шла впереди толпы с красным знаменем. Некоторые гимназисты, находившиеся в толпе, были арестованы. В городе теперь очень неспокойно. Рабочие волнуются, по городу раз'езжают казаки.

«Читаем, — продолжает автор, — „Искру“ всю с интересом, но интерес, который охватывает нас при чтении статей „Из общественной жизни“, невозможно описать. Чем объяснить это?.. Читая статьи „Из общ. жизни“, узнаешь, что и общество живет и имеет свои причины быть недовольным, и многие из этого общества стоят в явной оппозиции к нынешним порядкам; что и оно ведет некоторую борьбу, но заглушенную и неуверенную из-за того, что не имеет твердой почвы под ногами. „Искра“ же указала им опору в рабочих, а последним — подспорье. И читая эти статьи, нельзя не заинтересоваться всем существом, так как слишком уж убеждаешься, что такой строй не может долго устоять под напором такого всеобъемлющего недовольства».

Надеемся, что эти слова послужат ответом тем недалековидным «интеллигентам», которые в недоумении спрашивают: «какое дело рабочим до тех статистиков, земцев и т. п., которыми их угощает „Искра“?» (см., между прочим, и неудовольствие Надеждина в сборнике «Канун революции» № 1). Этим недалековидным людям давно пора понять то, что так хорошо чувствует автор письма: что рабочий класс не сможет сыграть должной роли в русской революции, если не будет отдавать себе ясного отчета в том соотношении общественных сил, при котором он ведет свою борьбу. Более того: про-

летариат не сможет не только отстоять, но и отчетливо сознать свои специально классовые интересы и отделить их от интересов других борющихся с царизмом сил, если не привыкнет сознательно участвовать в общенародном движении против современного строя. Человек, который провел бы свое детство и юность с повязкой на глазах, не сумел бы уверенно двигаться в пространстве после того, как с него снимут эту повязку. А не такую ли повязку в сущности надевают нашим рабочим те, кто требует, чтобы рабочих пичкали одними «чисто рабочими» вопросами?

Та же мысль, что и в этом письме, развивается и в письме петербургского рабочего, приводимом выше. «Зачем рабочего в загородку ставили?» — спрашивает он, говоря о том недавнем времени, когда «думали, что, коли рабочий, так нет, кроме гроша, у него другого интереса». «Мне „Искра“ потому так и понравилась, что она рабочего за гражданина считает, а это ах как важно!»

Это петербургское письмо важно для нас еще и во многих других отношениях. Мы узнаем из него, что наши «практики» из бывших «экономистов» не перестают обвинять наше направление в «бунтарстве», в «склонности к заговорам», в том, что мы «плюем на рабочих», т. е. на массу. Но мы узнаем из него также, что эти «жупелы» не действуют на сознательных рабочих

Р. С. Только что получена нами печатная прокламация Екатеринославского Комитета Р. С.-Д. Раб. Партии по поводу демонстрации 15 дек. Приводим из нее описание демонстрации.

«15 декабря проспект представлял невиданное зрелище. Громадная толпа в несколько тысяч человек покрыла весь просп. на протяжении 2 кварталов с обеих сторон пересадки на Иорданскую; на всех лицах была написана особенная торжественность и нетерпение; все глаза обращались на бульвар, где густою толпою гуляли рабочие и студенты, пришедшие устроить демонстрацию. Мысль о демонстрации подали студенты, они решили выразить свое негодование по поводу избияния студентов и рабочих в Харькове 2 декабря и против мин. нар. просв. Ванновского, который в прошлом году обещал студентам целый ряд реформ и улучшений и до сих пор не исполнил своих обещаний. Рабочие с восторгом встретили это предложение: наконец-то им удастся открыто выразить свое негодование против царя и его опричников, дать исход накопившейся злобе и возмущению. Несколько часов толпа провела в томительном ожидании; наконец, в начале шестого, несмотря на дождь, толпа демонстрантов с криками „ура!“ со всех сторон бросилась на бульвар, и из уст вырвался и прогремел могучий возглас: „Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социал-демократия!“. В этих возгласах вылились все заветные мечты наших рабочих: здесь екатеринославские рабочие, в лице демонстрантов, заявили свою политическую зрелость, свое глубокое сознание, что только при политической свободе, т. е. только тогда, когда власть будет в руках представителей народа, когда он будет иметь право свободно говорить и писать о своих нуждах, собираться, открыто бороться, — только тогда ему удастся улучшить свою жизнь, расширить свое образование. Стройною, дружною толпою прошли демонстранты два раза по бульвару, оглашая воздух своими боевыми песнями и возгласами. Два раза полиция пыталась остановить шествие, но была отброшена, и верные холопы царя в ужасе бежали от рабочих, вооруженных палками. Но вот появились солдаты и казаки и с остервенением бросились на демонстрантов; били женщин, подростков, били прикладами, нагайками, сбавленными шашками, топтали лошадьми. Демонстранты защищались,

отбивали товарищей, и только благодаря темной ночи и дождю царским опричникам удалось арестовать 53 чел. (много посторонних), из них 5 раненых. В воскресенье 16-го рабочие устроили демонстрацию в Чечеловке, в рабочем квартале».

Киев, 7 дек. 1901 г. Ну, рождество приближается, и на сцене начинают разыгрываться обычные для этого времени комедии и драмы.

Студенчество опять заволновалось. Вы уже знаете, наверное, по легальным газетам, что произошло в Харькове, а потому я сообщу лишь о киевских событиях.

Начиная с октября, здесь волнения в университете и политехническом институте, выразившиеся в сходках и принятии различных резолюций, не прекращались до самого последнего времени. Затихнув было после бури, вызванной докладом «русского галичанина», г. Вергуна, когда «националисты» столкнулись с «свистунами» (выражение газ. «Киевлянин»²⁾), они снова разгорелись после харьковских происшествий и министерских приказов, уволивших весь первый курс ветеринаров и предписавших администрации высших учебных заведений Харькова, не стесняясь девизом «сердечного попечения», расправляться без всякого снисхождения с беспокойными элементами студенчества.

Когда здесь получено было известие о назначении в Харькове студенческой демонстрации, Киевский «Союзный Совет» и комитет политехнического института выпустили прокламацию, излагавшую вкратце ход событий в Харькове и приглашавшую студентов протестовать против мероприятий Ванновского. Когда же в Харькове произошли разбитые стекла ред. «Южн. Края» и от применения химической обструкции профессор и науколюбивые юноши попадали в аудитории в обморок, киевляне решили устроить сходку и обсудить положение дел. Университет назначил сходку на 7 декабря, но попечительная администрация поспешила их распустить на рожд. каникулы 5 дек.

Совет старшин политехнического института созвал сходку на 5 дек. Поводов для ее созыва было несколько, а именно: доклад специальной комиссии по делу

и что они не питают доверия к тем, которые «„Искру“ за вредную почитают» и у которых «нет большого понимания, а так, кусочки понабрали», и мы видим, почему наши интеллигенты известного толка потеряли к себе доверие сознательных рабочих. «Ведь еще с год назад все говорили, что выше себя не перескочешь, что на все время есть, что иначе, как от печки, нельзя начинать, а печкой был либо мастер, либо расценки, редко, редко Пирамидов». А «сейчас говорят, будто у рабочего другой думушки нет, как бы костыми на улице лечь». Этот «исторический поворот» в направлении наших «экономистов» не мог, очевидно, не подорвать доверие к ним со стороны более сознательных рабочих, которые, к чести их будь сказано, не поддались пассивно общему увлечению интеллигенции в сторону демонстраций, а начинают ставить весьма серьезный вопрос: «А ну как это только начало, и не конца начало, а просто начало? что тогда?» «Ну, а если она (безработица) пройдет, опять по-старому все будет, опять от печки?» Предлагаем ответить на этот вопрос «Раб. Делу» и «Своб.», которые всю свою политику строят на предположении, что мы стоим «в начале конца» и что теперешний политический и экономический кризис есть непосредственное введение к революции, почему и «всякого человека ребром ставить нужно». Если прежде вся тактика при-

навлялась к условиям, созданным быстрым развитием промышленности и политическим затишьем в обществе, и лозунг гласил «медленным шагом» посредством стачек, то теперь опять тактика узко приспособляется к условиям данного момента, оторванного от прошлого и будущего, к условиям кризиса и общественных волнений, и нынешний лозунг гласит: «С места в карьер» — демонстрации, и только они! Прав наш автор, когда говорит, что «жизнь повторяется» в этих стремительных увлечениях одной формой деятельности.

Что понял автор письма и чего не могли усвоить его «куцы» оппоненты, это то, что теперь более, чем когда-либо, на очереди стал вопрос о создании боевой революционной организации, без которой наши силы попрежнему будут расточительно тратиться в увлечениях то одной, то другой формой борьбы, смотря по тому, куда подул ветер общественных настроений. Наш автор понял, что именно теперь-то, когда ошибочность прежнего одностороннего увлечения «массовиком», т. е. стихийным движением, стала очевидной, что теперь-то пора, не откладывая дела в долгий ящик, начать работать над «организацией революционеров», а не просто рабочих. Что необходима организация профессиональных революционеров, без которой мы попрежнему будем переживать то невозможное положение, что

студ. Никитина², вопрос о принятии семинаристов в высшие учебные заведения и выяснение своего отношения к харьковским событиям. Сходка по поводу вопроса о принятии семинаристов в высшие учебные заведения решила подтвердить постановления предыдущей сходки (24 ноября), когда была принята резолюция, протестующая против мероприятий Ванновского и требовавшая отмены прикрепления студентов к округам, открытия свободного доступа в высшие учебные заведения для женщин, евреев и всех желающих вообще и т. д.

Относительно харьковских событий решено было выразить протест Ванновскому (против всякого протеста высказалось только 16 голосов из 700) и поддержать харьковцев забастовкой. За забастовку высказалось 446 гол., против нее — 133, а не голосовало 63 чел.³. До сих пор все шло гладко и прилично. Но вот всплыл на сцену вопрос: когда же начать забастовку, и что же? порешили начать ее только после рождественских каникул! Но — дальше в лес, больше дров! — вспомнили, что некоторые коллеги еще не сдали весенние экзамены, отложенные ими на январь, и вот, чтобы дать им возможность выдержать эти экзамены, постановили не начинать забастовку ранее

* У студ. Никитина около года назад был произведен обыск, при чем нашли очень подробные записки, скомпрометировавшие в глазах полиции несколько лиц. Арестованный Никитин, желая выпутаться, так удачно отвечал, что запутал несколько новых лиц. Потом, однако, он был выпущен и снова поступил в политехнический институт. Студенты избрали специальную комиссию для расследования его поведения. Эта комиссия несколько раз уже пыталась на предыдущих сходках изложить результаты своих изысканий, но каждый раз это не удавалось, так как у сходок не оставалось свободного времени после решения более неотложных дел. На этот раз ей удалось, наконец, высказаться, и она заявила, что пришла к тому заключению, что Никитина нельзя заподозрить ни в шпионстве, ни в провокаторстве, а его выдачи объясняются неумением держать себя на допросах.

** Всего в киевском политехническом институте около 1.050 студ. В момент голосования было на сходке 642 чел., т. е. почти $\frac{3}{4}$ всех студентов. Многие уже раз'ехали на каникулы.

15 января. Кто-то догадался еще прикинуть к этому числу 5 дней про запас, на всякий случай, и в результате харьковские товарищи могут рассчитывать на активную поддержку киевлян ровно через 1½ месяца, т. е. не ранее 20 января 1902 года! Надо полагать, что даже Ванновский останется доволен таким основательным и осмотрительным решением политехников: ведь при его генеральской скоропалительности, этих полутора месяцев ему совершенно достаточно, чтобы до основания уничтожить не только ветеринаров первого курса, но и все курсы всех учебных заведений Харькова.

Ректор, призванный на сходку, опять счел своим долгом предупредить студентов о том, что новые волнения могут принести им много неприятностей и т. д. Сходка тянулась с ½ 2-го до 8 час. веч. Выходили из нее, конечно, большими толпами, и одна толпа, чел. в 200, проходя по Шулянке, запела песни. Около Триумфальных ворот повстречался какой-то офицер. Увидав студенческую процессию, он сейчас же смекнул, что отечество в опасности, вскочил на извозчика и поскакал куда-то во мглу вечера. Неподальку находятся какие-то солдатские казармы. Не желая дефилировать мимо них, студенты свернули на другой путь, но увы! в казармах уже поднялась тревога, и скоро вся толпа, без вины виноватых, была встречена горючими и солдатами, часть, конечно, попала в плен, и 42 чел. были отведены в участок, переписаны, и затем всех распустили по домам.

* * *

В Киеве распространился слух, что на 6 дек. назначена демонстрация. И вот, вся наша охрана пришла в движение. Весь Киев, несмотря на туман, засиял и засверкал от множества блях и значков на груди и шапках каких-то чинов, высыпавших на улицу вместе с толпами шпионов. Эта контр-демонстрация очень заинтересовала публику, но оказалась выстрелом в пустое пространство.

К настроению сознательных рабочих в Спб. С удовольствием помещаем выдержки из весьма интересного письма одного петербургского рабочего к нашему товарищу. В письме весьма характерно отражается

революция приостанавливается на лето потому, что «господа на дачу выехали».

Что, ставя задачу такой организации, будет «глупо валить на рабочих и интеллигентов» и что «не в том сила», а в том, чтобы образовывать из рабочих интеллигентных революционеров, без которых «на одном массовом рабочем далеко не уедешь». Что пора нашим «интеллигентам» отказаться от взгляда, что, «если рабочий больше понимает, так его уже и за рабочего не почитают: им, видите ли, массового нужно» и что не следует из-за боязни «оторваться от массы», за задачей агитации забывать столь важные задачи пропаганды и организации — организации партийной.

Заметим, что письмо петербургского рабочего написано по поводу, между прочим, № 4 нашей газеты, в котором мы развивали наш план организации, возбудивший против себя очень многих из наших интеллигентов. Мы имели уже не один случай убедиться в том, что этот план был гораздо более серьезно оценен сознательными рабочими. Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить «кружок сормовских рабочих» за приветствие, посланное ими нам по поводу этого организационного плана.

Выдвигаемые теперешним кризисом в нашем движении задачи организации составляют тему еще одного

письма в редакцию за подписью «работница». Приводим его почти целиком.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

«Бесконечные провалы один за другим, то бешенство, с каким эти хищники, в лице жандармерии и полиции, набрасываются на те места, где хоть сколько-нибудь существует рабочее движение, их сильное желание вырвать все с корнем, заставляют меня обратиться с письмом в редакцию, чтобы таким образом поделиться с товарищами некоторыми своими мыслями.

«Около четырех лет тому назад, а именно в начале 1898 г., я была арестована с еще кучей товарищей (арест тогда был очень крупный, одновременно в нескольких городах); попали тогда многие и менее моего „грешные“, но уверяю вас, что устранение меня больше, чем на четыре года от жизни, — слишком много чести для меня, если даже стать на точку зрения нашего самодержавного правительства.

«Но факт остался фактом, и, к великому сожалению, не единственным, а почти всеобщим, в чем меня убедили встречи с товарищами по тюрьме и за Уралом. Так или иначе, я пробыла в „русском университете для рабочих“ с сознанием того, что если я и не совсем ин-

отношение известной части рабочих к спорам между «экономистами» и «политиками»:

... «Вижу, что правы-то были (в прошлом году) вы, да и не вы одни, а все, кого мы „бунтарями“ называли. Вы тогда ничего не говорили про „Искру“, но я думаю, что она вам должна нравиться и что вы с нею заодно, поэтому-то я и хочу говорить с вами про нее и про то, что меня мучает. Ходит к нам один паренек... ничего он, только куций какой-то, и с ним душевного разговора быть не может... Видел я всего два номера „Искры“ — 4-й и 7-й, и мне показалось, что я ее понимаю, а паренек уверяет, что нет. (Просим не забывать, что «паренек»-то «куций». Ред.). Хотел бы и другие номерки почитать, да паренек не дает, говорит, будто нет у них, да я думаю... просто давать не хочет, так как они ее за вредную почитают (это «куцые»-то! Ред.). Много я думал про организацию, и мне кажется, там про это верно сказано; не все только я понял, — смысл-то я уразумел, а как взяться за нее, не знаю. Паренек говорит, будто „Искра“ плюет на рабочих и будто хочет не рабочих, а революционеров организовать. На счет плевания, я думаю, пустяки, а на счет революционеров, мне кажется, правильно. Ведь не всякий рабочий — революционер, это раз; а второе — это вовсе глупо делить на „рабочих“ и „интеллигентов“. Не в том сила. Иной рабочий годится и в кружок, и в кассу, и книжку может прочесть, и на демонстрацию пойдет, а все-таки в партию не годится! Конечно, без массового рабочего революцион не сделаешь, а все же на нем одном далеко не уедешь. Массу и на баррикаду повести можно и фабрику громить: какая минута подойдет! Вот и выходит, что такая партия нужна, чтобы не фабрику громить учила, а что другое. Трудное теперь время! Кабы знать, что делать, многое бы сделать можно, а по мне никто не знает, что делать нужно. Вот паренек говорит, что теперь дело к концу приходит, начало, говорит, конца, и всякого-де человека ребром ставить нужно. Если это так, конечно, скупиться нечего — нужно раскошелиться. А ну как это только начало, и не конца начало, а просто начало? Что тогда? Тут всех ребром поставишь, а к настоящему-то концу без людей и останешься? Ведь это не дело! И потом, знаете, нет у меня веры к ним! Ведь еще с год назад все говорили, что выше себя не перескочишь, что на все время есть, что иначе, как от печки, нельзя на-

чинать, а печкой был либо мастер, либо расценки, редко, редко Пирамидов. Раньше все уверяли, что наше дело сторона (автор имеет, очевидно, в виду отношение к студенческому движению. Ред.), а сейчас уверяют, что в нас самый центр и есть. Помните, вы тогда говорили, что жизнь не повторяется, по мне, это не совсем правильно. Посудите сами: разве не одно и то же повторяется вот уже четыре раза? Сперва только и света, что в кружках: рабочие маршировали на „культуре“ и „стоимости“, потом кружки ничего стоять не стали, а весь смысл дела в массовом рабочем, в агитации. Кружка больше не допросишься, не стало больше понимающих интеллигентов (!); тут время стачкам пришло — нет стачки, нет и жизни; теперь стачки свой вкус потеряли, нужны демонстрации, только про них и есть разговор. Ну, а дальше что? Так разве жизнь в этом не повторяется?.. Раньше — чем больше знал рабочий, тем лучше; с каждым носились, как с писанной торбой, ему и журналы, и книжки: читай, голубчик! а сейчас, как рабочий больше понимает, так и за рабочего не почитают: им, видите ли, „массового“ нужно: все они от массы оторваться боятся... Вы не подумайте, что я думаю только о себе, не забочусь о массе или от интеллигенции требую науки. Уж куда мне с суконным рылом! Вот понимания надо бы больше — время-то трудное, прямо страшное: кругом все бродит, все ходит озверелые, никто выхода не знает, не у кого спросить, не у кого поучиться. Я вот сколько времени в кружках терся, а и то голову потерял, а другие год вообще с делом знакомы были, да какое год! с осени когда еще наладится, а к весне либо заберут, либо господу на дачу выбираются... Вот наш паренек товарища приводил, и оба толковали, почему за год все так переменялось. Причина-де в безработице. Ну, а если она пройдет, опять по-старому все будет, опять от печки? Эхма!.. Нет у них, по-моему, большого понимания, а так, кусочки понабрали. Раньше думали, что, коли рабочий, так нет, кроме гроша, у него другого интереса; сейчас говорят, будто у рабочего другой думушки нет, как бы на улице костями лечь. Верно: коли время подойдет, от этого отказываться не приходится, только зачем же рабочего (прежде) в загородку ставили? Мне „Искра“ потому и понравилась, что она рабочего за гражданина считает, а это ах как важно!.. Говорят они еще, будто „Искра“ заговора хочет, а им сейчас страшно стало, ведь

чего не делала, то во всяком случае далеко была от того, что можно было бы назвать „делом“. Естественно, что у меня возник вопрос о том, как дорого мы платимся за каждую крупницу самосознания, внесенную в рабочую массу. Этот вопрос меня мучил долго, но все-таки я думала, что он уж отчасти разрешен. Теперь же, когда я вернулась, то убедилась, что мы еще в этом отношении не очень далеко ушли. Хоть за последние годы рабочее движение безусловно выросло, но надо признаться, что выросло оно гораздо больше вширь, чем вглубь. Конечно, хорошо и первое, но этого все-таки мало, и теперь эти хищники, как и прежде, вырывают все с корнем и этим самым тормозят или останавливают — иногда на довольно продолжительное время — все движение; словом, они и теперь на долгое время отрывают людей от „дела“. Но хуже всего то, что другие сразу заменить их не могут, что пришедшие им на смену товарищи не могут сразу приступить к раз уже начатой работе; словом, не могут, за редкими исключениями, стать продолжателями своих предшественников, не могут пользоваться ни их ошибками, ни их успехами. Нет еще ничего такого, что бы служило связующим звеном между выбывшими товарищами и пришедшими им на смену. Итак, самое большое зло, которое я вижу в нашей работе, это то, что мы еще не

сорганизованы, что мы работаем, так сказать, каждый за свой страх и риск, у нас совсем нет традиции.

«После провала работа непременно должна не прекращаться, а пойти возможно живее. Это имеет двойное значение: с одной стороны, провалы не наводили бы панику на менее сознательных рабочих и не убивали бы веру в провалившихся, и это увеличило бы энергию тех лиц, которые выступают провалившимся на смену. С другой стороны, правительство увидело бы, что, как бы оно ни увеличивало штаты всякого рода полицейских крыс, в России „крамолу“ вывести уже нельзя, что даже нельзя произвести и временного затишья... Но, товарищи, все это возможно будет, когда мы сорганизуемся, когда у нас будет центральная организация, которая будет руководить всем движением России. Этим было бы достигнуто не только уменьшение, если не полное исчезновение, провалов, исправность в работе, но и правильное ведение дела, способность отзываться на известные требования жизни. Никакие волнения или столкновения, как, например, студенческие беспорядки, поступки Карповичей, Лагонских не застали бы врасплох, если бы мы могли заранее знать все — и воспользоваться всем. Но самое главное, чтобы раз начавшееся где-нибудь движение среди рабочих уже обязательно поддерживалось, чтобы оно не могло прекратиться, чтобы центр

массовика в заговор не упрячешь, а ну, как он озлится и плюнет на них; вояки тоже!».

Признаемся, мы давно не встречали более меткой критики прошлых и настоящих прегрешений наших деятелей-интеллигентов. Форма письма может показаться кое-кому обидной, но это обстоятельство не должно мешать тому, чтобы заставить товарищей призадуматься над вопросами, выдвинутыми автором, который, очевидно, достиг гораздо большей степени революционной зрелости, чем члены многих наших организаций.

Полицейский провокатор среди сектантов. Официальное сообщение о беспорядках в Павловках, Харьк. г. (столкновение между сектант. и православл. крестьянами) частью умолчало, частью извратило причины происшествия. Этого и следовало, конечно, ожидать: было бы смешно и недальновидно, если бы поджигатель, спаливши в целях получения страховой премии дом, объяснял бы потом следователю, сколько фунтов керосину для этого потребовалось. Царское правительство и дальновидно и не любит насмешек. Доведа ту или другую группу населения рядом «спасительных мероприятий», основанных на излюбленном и «истинно-русском» принципе — не мытьем, так катаньем — до открытого возмущения (будет ли то разгром фабрики, тюремная голодовка или крестьянский бунт и студенческие волнения), правительство, пользуясь монополией лживых «сообщений», спешит напустить туману в глаза простосердечным обывателям и тем охранить «общественное спокойствие».

Ниже приводимые факты помогут несколько рассеять пелену правительственного тумана, сгустившуюся над павловскими толстовцами.

Достоверно известно, что сектантам пришлось много претерпеть притеснений от «православного» начальства, прежде чем решились они на разгром опустылевшей церкви-школы, выстроенной ради возвращения заблудших овец в лоно «истинной» церкви. Казалось, и духовные и светские власти в ярости «на отца лжи», «антихриста» Л. Н. Толстого, всячески стремились испытать терпение и силу сопротивления злу в его последователях. Дело доходило до того, что сектантов преследовали за на-

рушение запрещения ходить по улицам двум-трем чело-векам вместе.

Еще более любопытным представляется личность агитатора, убившего, наконец, сектантов, что в их положении непотворение злему надо оставить и следует употребить силу. Правительственные газеты этого агитатора называли агентом толстовца — кн. Хилкова, который, как известно, следуя заповеди Христа, отдал именные крестьянам, за что по повелению покойного «Миротворца»³, для вищего охранения семейных начал, был лишен отцовских прав — у него отняли детей, чтобы спасти их от заразы отца и сохранить для престола, воспитав из них таких же истинно-русских мерзавцев, каким был сам «Миротворец». Оказывается, однако, что «агент кн. Хилкова» был самым доподлинным и обыкновенным полицейским агентом-провока-тором⁴.

Этот агент, под именем странника Моисея, шатался между павловскими сектантами и говорил, что он не боится ареста, что ему не страшны тюремные запоры. «Силою христовой падут замки, разорвутся оковы, и я явлюсь к вам на свободу на другой же день, как возьмут меня в острог слуги дьявола». И, действительно, явился. Но освободил посланника христового из темницы не кто иной, как сами же «слуги дьявола». На запрос губернатора о причинах освобождения странника Моисея местный исправник ответил, что странник, действительно, освобожден, о причинах же оного освобождения будет доложено губернатору особою бумагой. Пусть исправник сумской объясняет губернатору о случившемся со странником Моисеем чуде. Мы, товарищи, не нуждаемся в особой бумаге для того, чтобы понять, что сей сон означает:

И много понтийских Пилатов,
И много лукавых Иуд
Христа своего распинают,
Творца своего продают...

* Из другого источника нам тоже сообщают об этом провокаторе и прибавляют, что он подослан профессором Скворцовым, чиновником святейшего Синода, известным преследователем сектантов. Вот каковы наши пастыри христового стада!!

Ред.

уже мог всегда туда направлять силы. Тогда и только тогда наша работа пойдет более быстрым шагом вперед.

«Чтобы постоянно быть в курсе дела, центр должен будет везде иметь своих агентов, а те, в свою очередь, устроить так, чтобы в случае их ареста у центра все-таки осталась связь с данной местностью (детали, как это устроить, не трудно будет выработать, когда за это возьмутся и хорошенько подумают). Тогда только, когда мы хорошо организуемся, провалы наши не будут иметь таких пагубных последствий, какие есть теперь. Пока мы не будем организованы, пока мы не будем иметь полной возможности подойти прямо после арестов к начатой уже работе, пока все группы, работающие или желающие работать, не будут строго организованы и соответственно нуждам распределены, — мы, как и до сих пор, будем тратить массу времени непроизводительно. Мы бессильны против врага не так количественно, как разрозненностью. Сила врага безусловно велика, но еще усиливается сплоченностью, возможностью действовать одновременно во всех концах России, а последнее не зависит только от того, что их так много, а от того, что они соединены и могут действовать по раз задуманному плану. Мы именно этого лишены, у нас самые преданные и выдающиеся деятели не могут работать успешно именно потому, что разрознены, что не могут

выработать плана действий, что лишены возможности сговориться с руководителями других групп, чтобы решить, как поступить в том или в другом случае, словом, чтобы выработать какой-нибудь план действий. Я думаю, что мы много, много от этого теряем. Только тогда, когда мы организуемся, мы сможем выставить против количественной силы врага силу качественную...

«Не претендую на то, чтобы мое письмо доказало и убедило в достаточной мере товарищей в том, сколько мы теряем от того, что не организованы. Я буду очень довольна, если мое письмо напомнит другим, более умелым лицам взяться за эту работу.

Работница».

Расширение политической агитации — распространение ее на все недовольные слои, выработка сознательной рабочей интеллигенции и создание боевой партийной организации, способной справиться с правительственными преследованиями и вести свою работу при всяких условиях общественного настроения, — вот те главные задачи, которые намечаются в приведенных нами письмах.

[Л. Мартов]

Словно черви по разлагающемуся труп, расплозились нуды-агенты правительства по всему пространству самодержавной России. Много их и в нашей рабочей среде. Чутко прислушиваются они к свободному, честному, выстраданному рабочему слову, зорко приглядываются к проблескам пробуждающегося рабочего самосознания. Но горе вам, порождение абсолютизма, горе вам, дети Зубатовых, Васильевых, Пирамидовых! Заря политического освобождения рабочего класса не за горами. Настанет день народного суда, и помянутся вам — и слезы павловских мужиков, и муки первых борцов за великое рабочее дело, за народное счастье!..

Пермь. Нам пишут: «У нас две газеты: одна официальная („Пермские Вед.“), другая частная („Пермский Край“). Вот последняя-то по неадекватности устроила очень некрасивую выходку. Часть пермской интеллигенции, узнавши о выходке „Гражданина“, решила послать ему протест. Интеллигенции удалось поговорить по этому поводу на собрании в бесплатной библиотеке 26 октября. Только 28 октября в хронике „Пермского Края“ (№ 234) появилась заметка, в которой кратко передается, что на собрании решили написать письмо в „Гражд.“ и собрали уже 80 подписей и затем выбрали комиссию из пяти (поименованных) лиц для выработки формы петиции о допущении женщин в университеты.

«С этого и началась история. К ответственному лицу бесплатной библиотеки является полицмейстер, спрашивает о собрании в библиотеке 26 октября, ссылаясь на жандармский запрос и заметку „Пермского Края“. Ответственное лицо о собрании ничего не знало, но обещало полицмейстеру навести справки. Губернатор же стал поговаривать о закрытии библиотеки.

«Собрался совет библиотеки. Он дал следующий ответ на запрос полиции: в библиотеке было собрание не специально по поводу статьи „Гражданина“, а собрание сотрудников (что полагается по уставу), и на этом-то собрании кем-то случайно был поднят вопрос о статье „Гражданина“. Был представлен даже протокол собрания сотрудников, помеченный 26 числом. Дело как будто уладилось. Администрация просила только впредь на подобных собраниях не поднимать посторонних вопросов и сообщать полиции о времени собраний.

«Только вдруг на-днях (след, почти через месяц от собрания в бесплатной библиотеке) губернатор получает от департамента полиции запрос с ссылкой на „Пермский Край“, кто разрешил собрание в бесплатной библиотеке и кто был на этом собрании. Цензор же от главного управления по делам печати получил выговор за пропуск заметки о подобных собраниях.

«Началось расследование. Полиция и жандармы забегали в библиотеку. Начались допросы библиотечарши и сотрудников. В устав библиотеки был внесен особый параграф, по которому сотрудникам разрешается собираться только в колич. 5.

«Библиотечарша, как человек неопытный в подобных делах, на вопрос: „кто поднял вопрос о статье „Гражданина“ почему-то сочла нужным взять на себя эту вину.

«Полиция ведет себя нахально. Для допросов является прямо в библиотеку, ведет там вслух различные рассуждения, чем очень смущает посетителей. Библиотечарше прямо читается список сотрудников и про каждого спрашивают, был ли он. Библиотечарша отвечает уклончиво: „не видела“, „не знаю“, „не был“. Тогда полиция заявляет, что так как она говорит почти о каждом, что „не был“, то она считает поименованных лиц бывшими и отмечает крестом.

«Чем дело кончится, неизвестно. Расследование продолжается. Не мешало бы хотя частным газетам не делать бессознательных (сознательного мы, отнюдь, не предполагаем) доносов по глупости некоторых корреспондентов».

Мы, с своей стороны, заметим, что выговор нашего корреспондента было бы едва ли не правильнее адресовать участникам собрания. Очевидно, они не видели в своем собрании ничего незаконного, и они были правы.

Почему же им и не заявить открыто, что они были на собрании? Неужели они боялись за это потерять места на службе и т. п.? Неужели нельзя «рисковать» выговором или неприятным замечанием в такое время, когда студенты идут на улицу, не боясь казаков и войска?

Но всего интереснее, это — вмешательство из Петербурга! Лучшее всяких рассуждений доказывает оно, что правительство вполне солидарно с „Гражданином“. И мы советуем всем и каждому усвоить себе хорошенько этот нехитрый вывод! Ред.

К СВЕДЕНИЮ ГИМНАЗИСТОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ.

Учителя в роли провокаторов. Во второй половине октября 1901 г. по гимназиям и реальным училищам разослан секретный циркуляр следующего содержания:

Предписывается как можно строже следить за развитием и выработкой убеждений у воспитанников старших классов, убеждений, касающихся сферы политических отношений государства к обществу. Обязанность эта возлагается по преимуществу на преподавателей русского языка. В качестве средства ознакомления со взглядами воспитанников, которые они часто усваивают вне школы, в семье или частном кружке знакомых (ибо студенческая среда готовит себе адептов еще на гимназической скамье), предлагается преподавателям задавать темы для сочинений такого сорта, из которых можно было бы видеть направление гимназиста, и если таковое окажется в духе социалистическом и вообще вредном, принять это во внимание и иметь это в виду при приеме в высшее учебное заведение.

Итак, «сердечное попечение» ген. Ванновского оказывается ни более ни менее, как попечением о сердцах гимназистов на предмет разыскания семян крамолы.

Опять голодовка в тюрьме! (письмо из Бутырской тюрьмы). Прежде, в течение многих лет, больные политические содержались в главном корпусе московской губернской тюремной больницы, находящейся при пересыльной тюрьме. Этот главный корпус предназначен исключительно для сумасшедших. Внизу в общих камерах находятся уголовные, психически, тихо помешанные.

В большом среднем перелете на уровне второго этажа тянется вдоль одной стороны большая площадка, и здесь находится 11 камер; сюда сажают буйных и помешанных. Здесь же, в этой камере, содержатся больные политические. Среди шума, гама и диких криков помешанных можно себе представить, как должно действовать пребывание с психическими больными на человека, истомленного одиночеством. Заключенный, запертый в четырех стенах, привыкший ловить всякий звук, как может он знать, почему его сосед так неистово кричит и мечется и почему он, так внезапно захрипев, — умолкает! Уж не истязали ли его? Уж не поколотил ли его озверевший тюремный страж? В течение многих лет указывалось на невозможность такого порядка содержания политических больных.

Сравнительно не так давно к больнице была присоединена сбоку задняя башня пересыльной тюрьмы, носящая название «Пугачева башня». В этой башне в одной из камер поместили служителя, в другой ванную, один из больших нижних номеров отведен для фельдшерницы. В тюремной больнице под именем фельдшерницы фигурируют лица без всякого медицинского образования (настоящих бояться, очевидно, брать в виду их неблагонадежности). В остальных пяти номерах помещаются больные политические. Два верхних и два средних избавлены от параш. Из них больных по стуку в дверь выпускают в клозеты. В нижнем же первом номере стоит параша. Из него почему-то не считают возможным выпускать больных в клозеты второго этажа.

В виду этого, а также в виду того, что в этом номере сильно дует из входной двери, он начинает играть роль большого карцера.

Повидимому, жизнь с внешней стороны обстоит сносно постоянно под рукой есть служитель, есть и представительница современной медицины. Но как всегда у нас бывает — начнут делать что и не доделают: так напр., внутри башня прикрыта, а крыша оставлена старой она при сильном дожде протекает, и все верхние помещения разукрашены мрачными серыми пятнами. В верхней камере пахнет плесенью и сыростью. Отопление в башне духовое, в подвале устроена громадная печь, и гретый воздух расходится во все камеры. Я сказал: все! В две нижние тепло совсем не идет. Выгребная яма устроена у входа в башню; она неглубока и почему-то гниственным образом соединена с подвалом. Жидкость из нее просачивается в последний, и вот стоит отходникам потревожить сие место, как вся башня в течение 3—5 дней наполняется зловонием. В отдушины вместе с теплом идет вонь.

Но все бы это ничего. Но беда в том, насколько администрация небрежна к внутренним, духовным сторонам политических. Смотритель по существу человек не злой, но одержим манней величия и почему-то считает нужным на каждом шагу указывать на то, что, если он захочет, то удовлетворит требование, а нет, так и так оставит; и когда его зовут к себе вновь прибывшие, он по несколько дней не является. Одному, напр., разрешает покупать себе мяса каждый день, другому — нет; некоторым разрешает выдавать свечи, другим — нет. Свечи же более чем необходимы заключенным, так как тюремные лампы висят высоко и закрываются частой железной решеткой для того, чтобы больные не могли облить себя керосином и сжечь. Зимой темно становится с 3 час., и читать нет никакой возможности. Некоторые ставят на кровать табурет и читают балансируя, рискуя каждую минуту загреть на каменный пол; другие умудряются открыть решетку, рискуя навлечь гнев начальства. Предметы необходимости заставляют покупать в одной определенной лавке. Перестукивание, пение запрещается. Среди мертвой тишины гаснут силы больного. Большую часть суток царит гнетущая тишина. Условия жизни таковы, что сами стражи на свой страх и риск нарушают правила. Один терпит перестукивание, другой еще что-нибудь разрешает. За это их немилосердно распекают и всячески подтягивают.

Так текла жизнь в больнице до самого последнего времени.

В ноябре в больнице сидели: П. Покровский, Вячеслав Адольф, Моисей Ворисовский, Пинкуль (приказчик) и Исаак Шур из Вильны, — люди, ожидающие приговора.

В середине ноября в первый номер привезли из Таганки Высоцкого; он устроил там голодовку, так как его не хотели перевести из темной камеры, окно которой закрыли железным листом, уничтожая, таким образом, доступ воздуха и света, в светлую без листа комнату.

Он голодал 8 дней. Начальство не хотело уступить и перевело его в больницу. Из последней Высоцкого скоро выписали, но он решил довести борьбу до конца.

Шур, идя на прогулку, крикнул: «Здравствуй, товарищ!» За это он был лишен на время прогулок. Тогда, выведенные из себя небрежным отношением смотрителя и мелкими придирками, политические нарушили гробовое молчание.

Утром и вечером больница начала оглашаться веселыми криками: «Здравствуй, товарищ! Доброго утра! Доброй ночи!» и т. д.

А когда Высоцкий уезжал и крикнул: «Прощайте, товарищи!», как гром удара потряс башню единодушный крик всех остальных четырех: «Прощайте! прощайте!». Администрация всполошилась. Начались увещания, угрозы. Эпилептика Исаака Шур перевели в первый номер и совершенно лишили прогулок. От возбуждения у него участились припадки эпилепсии. Но он решил не сдаваться и объявил смотрителю, что будет голодать, пока его не переведут наверх и не разрешат прогулок. Остальные трое решили тоже голодать, пока не удовлетворят требования Шура, а также присоединили еще та-

кие требования: покупать свечи, чтобы на прогулку ходили не в загончик около выгребной ямы, а в большой сад. Так началась и идет борьба с произволом администрации в тюремной больнице. Чем она кончится, не знаю. Смотритель грозит Шуру, что зашьет его в мешок и привесит к потолку, если он будет кричать: «Добрый день, доброй ночи! Прощайте!» — 6 декабря получено известие, что голодовка продолжается седьмой день.

Пример заразителен. На заседавшем в первых числах октября в г. Полтаве с'езде деятелей по кустарной промышленности была, между прочим, принята следующая резолюция: «С'езд признает, что телесные наказания не только противоречат началам христианского учения, но и являясь тормозом культурным начинаниям правительства и общества в целях духовного развития и улучшения быта его». Если Победоносцев⁵ и послушные ему «смирненные» пастыри, заседающие в Синоде, отлучили от церкви графа Толстого, то почему бы нашим почтенным «деятелям» не отлучить от церкви самого Победоносцева, как известно, ревниво охраняющего розгу как один из устоев царского самодержавия? Пример заразителен! Но смеем уверить гг. Левитских⁶, Каблуковых⁷ и прочих, что начала христианского учения спокон веку нарушались всеми теми, у кого в руках была власть. «Начала христианского учения» не остановили ни одного убийства, ни одного разбоя, когда это было в интересах правящих. Напротив, никто не пролил столько невинной человеческой крови, как христианнейшие и смиреннейшие отцы церкви во имя проповеди «начал христианского учения».

Да и сами «деятели» по кустарной промышленности не очень церемонятся с этими «началами»: они хотят уверить царское правительство, что оно служит каким-то культурным начинаниям, что оно заботится о духовном развитии и об улучшении материального быта населения. Это русское-то правительство! Правительство, ведущее борьбу с голодающими! Правительство, насаждающее культуру при посредстве кабака! К чему комедия? К чему фарисейство? Ведь фарисеев-то Христос прогнал из храма!

Киев. Волна артельного движения.

Стараясь отвлечь рабочий класс от социализма, царское правительство, в страхе за свое благополучие, по рецепту «Нового Времени» (см. ст. о раб. беспорядках), лицемерно проявляет «отеческую» заботливость о рабочих. Таково объяснение той поддержки, какую встречают со стороны властей артели, быстро возникающие в Киеве, как и в других местах (за короткий срок их образовалось у нас — восемь). Среди жандармов везде появляются последователи Зубатова. Некоторые из них, напр., жандармский полковник Васильев в Минске (см. № 5 «Искры»), действуют довольно умело; нельзя сказать, чтобы умнее, но во всяком случае усерднее действует киевский жандарм Новицкий. Речь, произнесенная им на открытии первой «русской» артели портных, основанной на началах «православия, народности и самодержавия» (см. «Киевлянин» № 278), является своего рода шедевром. «В неустанных заботах о вас министр финансов удешевил водку, — сказал Новицкий, — благодаря учреждению винной монополии, вы можете теперь пить дешевую и хорошую водку; рекламируя казенную водку и высказав, таким образом, тонкое понимание смысла винной монополии, Новицкий указал далее на то, что утверждение министром финансов артельного устава есть второе проявление той же заботливости, и воспользовался тут удобным случаем, чтобы обрушиться на социал-демократов, пустив в ход обычное свое оружие — клевету и ложь. «Предупреждаю вас больше всего: не ведите знакомства с подозрительными людьми, — продолжал он, — избегайте их старательно, потому что они хитрые, очень хитрые! Я хорошо их знаю, потому что сам пресекаю!... Не заводите касс. Я сам недавно избил одного рабочего, —

невозмутимо продолжал врать Новицкий перед развесившими уши артельщиками, — не было кассы, он был беден, а как завелась касса, он приобрел золотые часы и пальто в 80 руб.». По окончании этой речи г. Суровцев, пом. прис. пов. и, можно ожидать, человек интеллигентный, имел бесстыдство произнести тост за здоровье Новицкого. Директор Госуд. банка, г. Афанасьев, также принимавший участие в этом «торжестве», указал на то, что он переживает вторую волну артельного движения, и правильно заметил, что теперешние артели, в отличие от прежних, народных, имеют целью лишь практические выгоды участников, не представляя из себя идейного дела. Хотя г. Афанасьев выразил уверенность в их жизнеспособности, а ген. Новицкий, исхлопотав артели 1.000 руб. у местного богача Терещенки, подарил ей портреты «его» и «ее», писанные масляными красками, и икону богородицы, призвал ей на помощь своею жандармскою властью все силы земные и небесные, — однако, в их дальнейшем процветании можно сомневаться. Ремесленная промышленность, неспособная выдержать конкуренции крупного капитала, ищет спасения в единении мелких предпринимателей на артельном начале; но не в таком единении могут найти себе выход русские рабочие! Лишь соединившись для свержения самодержавия, они получают необходимые условия для свободной и счастливой жизни, для осуществления социалистического идеала!

Киев. В поисках за «Искрой».

Заботливость «передовых» жандармов об артелях ремесленников да и вообще вся «зубатовская» политика объясняется желанием не только легализировать рабочее движение и направить его в мирное русло, но и установить над ним свой жандармский надзор и шпионскую опеку. Для этой цели жандармы стараются иметь среди артельных попечителей своих ставленников — Френкеля-отца, неожиданно выступившего в роли покровителя артели переплетчиков. В артели этого карточного друга Новицкого сыск поставлен образцово: недавно работавшие там переплетчики были ошастливлены появлением жандармского ротмистра Васильева, адъютанта Новицкого. Войдя в мастерскую, он направился прямо к тому месту прилавка, где под переплетными материалами один из артельщиков положил купленную им московскую газету «Русское Слово» вместе с еженедельным приложением ее «Искрой». Можно себе представить разочарование усердного жандарма, когда он извлек на свет божий, вместо ожидаемого им «запрещенного листка возмутительного содержания», — его московскую легальную тезку!

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Москва. О рабочих собраниях. (Письмо 1-е).

Для того, чтобы более подробно ознакомиться с рабочими собраниями механического производства, мы считаем нужным ознакомление начать сверху этой незаурядно задуманной махинации для отвращения рабочих от правильно намеченного пути к освобождению рабочего класса из-под ига капитализма, объединяющегося с гнуснейшим самодержавием Романова. Направить по ложному пути рабочее движение, дабы оно попало в трясины, откуда ему не так-то легко выбраться опять на твердую почву; вырвать из рабочего движения ту могучую силу, которой боится начинающее дряхлеть русское самодержавие, прочную и опасную революционную силу стачек — такова главная цель этой махинации. На всяком порайонном собрании красной нитью проходит эта трудно скрываемая цель отвращения рабочих от стачек. Но об этом мы поговорим в следующих письмах.

Что Зубатов держит в своих руках всякое собрание — это несомненно, что он извлекает ту пользу, ради которой разрешены эти собрания, это тоже несомненно, что многое другое достигает Зубатов благодаря этим собраниям, понятно, конечно, само собою, что это все сильно усугубляется инертностью действующих здесь товарищей, что рано или поздно они принуждены будут сознать сами, — мы в этом уверены вполне. А Зубатов не дремлет: во всей организации главную роль играет «совет». Сие учреждение состояло до 20 ноября из 17 человек, в число которых входят два провокатора Слепов и Афанасьев, и, то, главным образом, влияние и отражается как на характере порайонных собраний, так и на остальных членах «совета». Все вопросы, подлежащие обсуждению районных собраний, исходят из «совета», предварительно просмотренные агентурой Охранного Отделения. Дальше, на районных собраниях дело ведется не по желанию присутствующих, а по желанию члена «совета», который является по поручению «совета» в качестве контролера, «дабы не зарвался далеко кто-либо из врагов». Врагами же «совет» считает рабочих, вражающихся среди «мелкой» интеллигенции*, т. е. революционеров... Совет нашел необходимым выработать даже «инструкцию», так что в дальнейшем «совет» должен являться бюрократическим учреждением. Соколов, один из главных врагов революционеров, заявлял, при прочтении этой «инструкции», что мы (т. е. «совет») с господами профессорами выработали инструкцию, так что господа профессора принимают участие не только в просвещении рабочих, но несут с собою и приемы бюрократии. Совет имеет право назначить в районное собрание председателя, а если собрание почему-либо пожелает выбрать само себе председателя, то в таком случае представляет выбранного на утверждение, какового могут, однако, и не утвердить... Порайонные собрания не могут происходить в те дни, когда собирается совет или в воскресные дни, когда читаются лекции. По «инструкции» члены совета «на районных собраниях следят за нравственностью присутствующих» и т. д. Возможно, что инструкция передана нами не совсем точно, ибо у нас нет копии, но смысл верен.

Самым деятельным и пользующимся популярностью рабочих является г. Красивский; он хорошо может действовать на рабочих своей речью, и немудрено: он когда-то сам был революционером, его и теперь не принимают на фабрики, благодаря тому, что он принимал несколько раз участие в стачках. По профессии он папиросник и последнее время работал на фабрике «Дукат». Шпионом его называть нельзя, ибо нет для сего фактов, но его близкая дружба со Слеповым и Афанасьевым, та солидарность, с которой они поддерживают друг друга, очень подозрительна. Бывали случаи, что по просьбе г. Красивского позволяли жить в Москве политическим, да и то, как он говорит на собраниях, позволяет делать заключения, для него не очень лестные. Г. Афанасьев не может пользоваться популярностью, как г. Красивский, он не может хорошо говорить, не может завладеть собранием и говорит, точно о покойнике звонит, и все же, как главное лицо в собраниях, не роняет свой престиж и ловко защищает правительство, выставя его заботливой матерью для рабочих. И с улыбкой постарается опровергнуть того, у кого неловко проскользнет какое-либо сомнение в правительственном доброжелательстве. Ог. Слепове можно сказать, что он ходит с докладом в Охранное и, хотя рабочие этого не знают, но все же его не любят, и он не пользуется популярностью.

* Историю этого выражения («мелкая» интеллигенция) нам передают так: на одном из собраний Сазонов (помощник Зубатова) заявил рабочим, что у нас имеется двойная интеллигенция: одна — солидная интеллигенция: профессора, помогающие правительству в заботах о рабочем классе, другая же — «мелкая интеллигенция», состоящая из людей недовольных и старающихся волновать рабочих, чтобы с их помощью добиться для себя улучшения своего собственного положения.

Недавно было приступлено к пополнению «совета», для чего каждое порайонное собрание выбрало кандидатов и, прежде чем ввести их в «совет», «совет» узнавал о их направлении и неблагонадежных проваливал. Этот «совет» принимает жалобы во время своего собрания раз в неделю. Был такой случай: за расклеивание объявлений о Потребительном Обществе разочли 10 ч. раб. заводов Винтер. Один из потерпевших сделал заявление в «совет», последний довел до сведения обер-полицмейстера. В результате г. Слепов заявил собранию, что Трепов не может удовлетворить жалобы. Нет, мол, такого закона, чтобы полиция приказала не рассчитывать тех из рабочих, которых находит нужным уволить заводская администрация.

Разрешено Потребительное Общество, записалось около 2.000 и капиталу налицо свыше 5.000. Откроют ли потребительную лавку или чайную, еще не было по этому поводу Общего Собрания и вопрос не решен. Что же касается Общества Взаимопомощи, то такового устав не разрешен и в № 8 «Искры» вкралась ошибка. В феврале будет уже год, как он послан на утверждение, и о судьбе ни слуху ни духу.

Рабочий.

Городищенская отбельная фабр. С. Морозова (возле Орехова-Зуева). В «Искре» была помещена корреспонденция из Шуи с описанием отвратительного и гнусного приема эксплуатации не только женской физической силы, но и женского тела. На нашей городищенской фабрике эти гнусные, отвратительные условия обязательны для каждой женщины с тех пор, как заведывание этой фабрикой было поручено французцу Жозефу Герману, другу известного нам Назарова; это ставленник его и, очевидно, его ученик по части гнусной системы эксплуатации.

Лет восемь тому назад директор этой фабрики был Вейс, и тогда преимущественно работали одни мужчины, сколо 400 чел., исключая шивалок при отбельном и крахмальном отделении, да подметалок полов. В то время, можно сказать, женщины жили припеваючи за своими мужьями, т. к. зарплаток последних стоял около 27 руб. в месяц (320 р. в год). Но вот поступает распоряжением фабрики Герман в 1893 г., и начинается выбрасывание мужчин за стен фабрики, взамен которых являются девушки и женщины с более дешевой платой за свои рабочие руки, с более смиренным покорным видом глуповатой овцы и несущие с собою возможность сверх эксплуатации и кражи рабочей силы, эксплуатацию и кражу женского тела, женской стыдливости, женской чести. Глумление и надругательство над семейной женщиной русского крестьянина и рабочего под покровительством русских законов и с ведома царя-батюшки, который старается покрывать свою властью эти гнусности и бесстыдные приемы, и в то же время заставляет высылать и сажать в тюрьмы тех из непокорных рабочих, которые возмущались против таких низких и деспотических личностей, как Назаровы, Свешниковы, Жозефы Германы и т. п. В течение 4—5 лет француз Герман выкинул за фабричную стену чуть не всех мужчин, исключая колотильщиков. Но это объясняется тем, что колотильщиком может быть лишь физически сильный человек. Так, при Вейсе было больше 20 чел. складальщиков, а теперь только 2 чел. и то для тасканья роликов; галандировщиков заменил женским полом; в крахмально-отбельном отделении мужчины очень редки.

Действует этот нахал очень открыто: так, приглашает девушку или женщину к себе в кабинет и объясняется очень откровенно в своих желаниях. Если последняя сдастся, то делается его жертвой, если нет, то спустя короткое время выкидывает ей паспорт со словами: «Ты мне не нужна», да тут же рассчитывает и семейство, т. е. если есть родственники. Вновь принимает также из близлежащих деревень, и повторяется та же история.

До чего дошла эта волна гадости, видно из того, что взрослые дети ругают своих сверстников часто: «твой отец барин, иди к нему» (баринном называют у нас Германа). Во время одной деревенской сходки за выпивкой

мирского вина крестьянин Ипполитов говорил своему товарищу Лазареву: «Знаешь ли, Лазарев, за что мы с тобой получили хорошие места? Ведь наши жены после работы ходят в кабинет к барину». Лазарев ответил: «Я скажу об этом барину, и он за это тебя прогонит к чорту», на что Ипполитов обещал свести к барину обоих своих детей, чтобы он их кормил, так как они его, барина. Спустя два или три дня после описанной сходки Ипполитов был выброшен из фабрики. Лазарев же и его братья были поставлены в приказчики. И вот существуют такие порядки на фабрике, от которой в 10 верст. живет фабричный инспектор, жандармский ротмистр, пристав по одну сторону, а по другую сторону — исправник, судебный следователь, но они отлично знают, что министр Сипягин получил от Морозова на хорошие брюки, фабричный же инспектор часто приглашается лизать тарелки, сами же рабочие молчат, как холопы, и не могут проучить до смерти этого отвратительного француза.

Рабочий.

Москва. У нас на заводе Гагенталь в пятницу 14 дек. после окончания работы был хорошо побит новый расценщик немец, только два месяца приехавший к нам на завод из Спб., за то, что убавил расценки почти наполовину. Били все чем попало, и виновных никого пока не нашли. На утро на завод нагнали, по обыкновению, городских, боясь осложнений, но пока все тихо.

Одесса. В конце октября на табачной фабрике Попова, где работает 600 чел., подручницы — 12-летние девочки — отказались работать за 30 коп. в день, требуя с мастериц прибавки. Последние получают по 1 рублю и прибавить подручницам не могут, поэтому обратились к управляющему в контору. «Посидят дома день-другой, да и снова прибегают», ответил им управляющий на слова, что без подручниц работать нельзя. Дети ушли. Половина фабрики стала. Дети не приходили на работу в продолжение нескольких дней. Хозяин, видя, что не так-то легко ожидать, когда все само собою уляжется, обратился к администрации. Та тотчас поспешила на помощь. Городовые бегали по квартирам мастериц, которые после отказа прибавить 10 коп. тоже забастовали и выставили еще и другие требования — между прочим, чтобы им дали отдельную комнату для обеда (раньше они обедали и летом и зимою «на чистом воздухе») и открыли другой выход, так как по прежнему ходить опасно — лестница полусгнила. Итак, мастериц тащили на работу, полураздетых детей буквально хватили на улице. Но дело не шло: досидев до обеда, работницы разбегались. Тогда подумали о «зачинщиках» и арестовали 40 чел., на что работницы ответили прибавлением требований выпустить арестованных. Хозяин, видя, что дело не клеится, обратился к администрации уже с просьбой выпустить работниц, он думал удовлетворить их требования. Но каково было его горе, когда администрация ответила: «Пока нас не звали, могли сами поступать как угодно; теперь же дело наше, не мешайтесь». Новое постановление (о штрафовании хозяев) вошло в силу: с хозяйина этой фабрики за то, что он поздно заявил о стачке, взят штраф в 500 руб.

С Урала. В апреле месяце 1901 г. в Добрянском зав. (Пермской губ.) была забастовка рабочих в катальном цехе. Рабочие, в количестве 150 чел., прекратили работу и потребовали повышения расценки на первый и второй сорт листового железа на 25%. Начальство согласилось на это требование не сразу, а лишь после двухнедельной забастовки; да и то повысило расценку только на 10% и только лишь на железо первого сорта, которое выделяется в очень небольшом количестве. Расценка же на железо второго сорта осталась прежняя, хотя оно и идет в продажу за первый сорт и выделяется в большом количестве. Таким образом, заработная плата повысилась очень незначительно, но рабочие были вынуждены

согласиться и начать работу на этих условиях, — вести забастовку дольше они были не в силах, потому что стачечной кассы там не существует — и поддержки ждать было неоткуда. Бастовали рабочие дружно, нарушителей стачки не было ни одного, но это явление нельзя приписать развитому чувству солидарности, а скорее боязни кулачной расправы со стороны забастовщиков. Начальство во время стачки в отношении отдельных личностей никаких мер не предпринимало, не отказывало от работы, не обращалось за помощью к полиции, только чтобы ослабить забастовщиков, прекратило выдачу муки из заводского запаса (в обыкновенное время рабочие могут получать муку из запаса по заготовочной цене, коп. 50—70 за пуд, какая бы ни была ее цена на рынке; выдается по два пуда в месяц на взрослого и по 10—20 фунтов на ребенка).

Арестов и обысков не было.

В июле месяце в Добрянке грозила вспыхнуть вторая забастовка. Рабочие механического цеха, в количестве 200 чел., стали требовать повышения заработной платы на 25% на страдный месяц. Действовали рабочие тоже мирно. Написали просьбу о повышении платы и отнесли ее в волостное, чтобы уже оттуда передали заводу. В данном случае бастовать рабочим не пришлось. Требование их было удовлетворено, хотя и не вполне, на другой же день. Заводоуправление повысило плату лишь на 10%, и рабочие были принуждены помириться и на этом, так как ни денег, ни хлеба в запасе у них не было. После этого случая в Добрянке появились жандармы. У трех рабочих произведены были обыски; лица эти находятся под надзором. Жандармы жили в Добрянке целых две недели. Причина приезда жандармов и обысков не сама стачка, а появившиеся уже после нее прокламации. Прокламации, как потом оказалось, были расклеены и разбросаны по дворам в ночь на 1 сентября; они выясняли значение стачки. Одного рабочего после этого рассчитали якобы за порчу материала.

В конце сентября в механическом цехе рабочие снова стали поговаривать о забастовке с целью сократить работу ночной смены с 10 час. до 8. До сих пор ночная смена работала с 6 час. веч. до 6 утра с отдыхом в течение двух час. (от 12 до 2 час. ночи). Поводом к разговорам послужило недоразумение с одним из мастеров, который на одной ночной смене начал требовать, чтобы рабочие не прекращали работы в часы отдыха. Рабочие были возмущены этим и по предложению одного решили все уйти домой. Мастер струсил и кое-как уговорил их остаться. На другой же день он доложил начальству, что ночью был чуть не бунт, и начальство распорядилось назначить в каждую ночную смену стражников для наблюдения за порядком, так что ночью рабочие работают под конвоем, как арестанты. По всей вероятности, рабочие потребуют отмены такого возмутительного распоряжения начальства.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Петербурге 3 декаб., кроме упомянутых (в № 13), арестованы: врач Соболев, инженер Ратченко, Клавдия Селюк (дом. учит.), Яков Селюк (бывш. студ.), Минская (мед.), Долголенко, Беляев (студ.) и друг. Из Ковны привезен Ступель и из Вильны Арон Сольц (бывш. студ.).

В Н.-Новгороде в декабре арестованы студ. Розов и курс. Добролюбская. В Сормове ряд обысков.

Из Москвы 1 дек. выслана служащая в губ. упр. С. И. Муралова. Елиз. Заславская (служ. в статистике) арестована для отбывания наказания, а сестра ее Розалия — взята на границе при приезде в Россию и привезена в Москву.

Сарапуль (Вятской губ.). В начале декабря обыск у бывшей курсистки Аделаиды Орловой (поднадз.).

Одесса. В начале декабря взята вернувшаяся из ссылки К. Захарова и еще несколько лиц. Обыски у Ливница (лит.) и других.

Киев. В начале декабря несколько десятков арестов.

Смоленск. Здесь в конце декабря аресты и обыски. Умерли: Афанасьев, рабочий-слесарь. В 1895 г. по делу о рабочей организации в Екатеринославе был арестован и сослан в Сибирь на три года. Умер в Сибири, где работал по окончании ссылки.

Григ. Ник. Мандельштам, один из основателей соц.-дем. движения в Екатеринославе (1895 г.). Арестованный по екатеринославскому и московскому делам, он был приговорен в Сибирь на 5 лет, сошел с ума. Умер осенью 1901 г.

Григ. Мих. Марморштейн в конце 80-х гг. сослан в Якутскую обл. на 10 лет. Вернулся несколько лет тому назад и отбывал еще надзор в Кишиневе. Несмотря на настояния врачей, посылавших его в Крым, деп. пол. отказал ему в разрешении поехать лечиться. Умер 18 дек. 1901 г. в Кишин.

Лянг, польский рабочий, умер в Ковельской тюрьме (Вол. губ.). Летом был арестован на границе с транспортом. Умер от тяжелых условий тюрьмы.

Швецов, ссыльный в Верхоянске (Якутской области), застрелился. Был сослан в 1900 г. Покойный был еще очень молодым человеком. Сын железнодорожного мастера, он несколько лет тому назад поехал в Спб. и был арестован в дворцовом парке, внушив кому-то подозрение. При нем нашли револьвер. На допросе заявил, что приехал убить царя. Держали в психиатрической больнице, а потом сослали.

ИЗ ПАРТИИ

Побег Л. Дейча из Сибири. Из Амурской области бежал и прибыл за границу Л. Г. Дейч, один из известных русских революционеров и один из основателей группы «Освобождение Труда». Имя Дейча связано с «бунтарским» периодом движения 70-х гг., в котором ему принадлежит участие в организации знаменитого заговора чигиринских крестьян. Арестованный по этому делу осенью 1877 г., Дейч бежал весной 1878 г. из Киевской тюрьмы вместе с Як. Стефановичем и Бохановским и в следующие годы боролся в первых рядах революционной партии. Вместе с Плехановым, Аксельродом, Стефановичем и другими он в 1879 г. основал партию «Черного пера», из которой в 1883 г. возникла первая русская соц.-демократическая группа «Осв. Труда». Отправившись в 1884 г. из Швейцарии в Германию для того, чтобы устроить организационные дела этой группы, Дейч был арестован немецкими властями во Фрейбурге (Баден) по обвинению в перевозке запрещенного тогда немецкого «Соц.-Демократа». Попытка освободить Дейча из немецкой тюрьмы не удалась. Германское правительство снеслось с русским и после того, как последнее убедилось, что арестованный Булыгин есть Дейч, оно ему его выдало под условием, что его будут судить за «уголовное» преступление — участие в покушении на убийство ренегата Гориновича (в Одессе в 1876 г.). Осенью 1884 г. военный суд приговорил Дейча, который совершил преступление в несовершеннолетнем возрасте, к 13 г. и 4 м. каторги. Отбыв срок, Дейч был водворен на поселение.

В лице Л. Г. Дейча в нашу среду возвращается один из первых пионеров русской социал-демократии, надолго вырванный из рядов действующей армии, но сохранивший на каторге и в ссылке верность своим революционно-социал-демократическим убеждениям.

Прилетевшему вернувшемуся на «волю» товарищу история жизни которого так тесно сплеталась с историей нашего революционного движения.

Киевский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии решил отчислять ежемесячно 25 руб. в пользу «Искры».

30 (17) дек. 1901 г. состоялась в Брюсселе конференция членов международного бюро, избранного на парижском конгрессе 1900 г. За недостатком места откладываем письмо Плеханова о заседаниях бюро.

Г. В. Плеханов просит нас поместить следующее письмо:

Женева, 28 (15) декабря 1901 г.

Девятнадцатого декабря 1901 г., в день 25-летия Казанской демонстрации, исполнилось 25 лет с тех пор, как я сделался «нелегальным», т. е. с того времени, как царское правительство официально занесло меня в список своих врагов. По этому поводу многие товарищи почтили меня выражением своего сочувствия. Я приношу им за это свою искреннюю благодарность. Сочувствие со стороны наших ближних есть единственная награда, на которую можем рассчитывать мы, русские революционеры. Но этой драгоценной награды мы не променяем ни на какую другую.

Г. Плеханов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Л. Л. получено из А. 100 р. От Тигрова на изд. Эрфуртской программы 300 руб. Парижской группой собрано 50 фр. Из этих сумм в кассу редакции поступило 300 руб., остальные израсходованы на местные и организационные нужды. В пользу обуховцев в Берлине собрано 100 мар.

В типографии «Искры» вышло «Десятилетие Морозовской стачки», изд. 2-е, с предисловием В. Засулич.

В типографии «Лиги» (Женева) вышли: 1) Кто чем живет? Дикштейна, изд. 3-е. 2) Две речи (Варлена и Алексеева), изд. 2-е. 3) Документы «объединительного» съезда.

Печатаются и скоро выйдут в свет:

1) Русский рабочий в революционном движении (изд. 2-е). Г. Плеханова. 2) Развитие научного социализма (изд. 3-е). Ф. Энгельса. 3) Программа работников (изд. 2-е). Ф. Лассалля.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Автор употребляет здесь слово «практики» в ироническом смысле и подразумевает «экономистов» — оппортунистическое крыло российской социал-демократии конца 90-х и начала 900-х годов.

Политическая сущность «экономизма» сводилась, как известно, к программе: «рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба» (формулировка В. И. Ленина. Собр. соч., т. XIII, стр. 123). Ссылаясь на свое знание русской рабочей массы, на свою «практику», представители «экономизма» называли искровцев, призывавших к борьбе за социализм и свержение самодержавия, «теоретиками», оторвавшимися от российской действительности. В 1900—1903 гг. именно практика российской действительности блестяще опровергла взгляды «экономистов»: массовое участие рабочих в политической борьбе росло в эти годы с громадной быстротой.

Прим. 2. «Киевлянин» — реакционная газета, издававшаяся в это время в Киеве под ред. Пихно.

Прим. 3. Эпитет «Миротворец» был дан лакействующей печатью и бюрократией Александру III.

Прим. 4. Здесь речь идет об очередном политическом доносе субсидировавшейся правительством реакционной газеты князя Мещерского «Гражданин», на страницах которой 30 августа 1901 г. была напечатана заметка о том, что в Перми поднадзорная Митрова дает частные уроки и «развращает» детей обывателей.

Прим. 5. Победоносцев — обер-прокурор Синода, виднейший представитель крайней реакции при Александре III и Николае II, оказывавший громадное влияние на политику царизма в течение двух последних десятилетий XIX в. и начала XX в.

Прим. 6. Н. В. Левитский — адвокат, идеолог мелкой буржуазии, правый народник, доходивший в своих политических выступлениях до прямой поддержки самодержавия и проповеди верноподданнических чувств по отношению к царизму (см. корреспонденцию из Одессы в № 16 «Искры»). Левитский занимался в Херсонской губ. организацией кустарных и земледельческих артелей, усердно рекламируя и преувеличивая результаты своих «начинаний», за что и получил от Старовера (Потресова) ироническое прозвище «рекламера и Хлестакова артельного дела». Народники подняли вокруг деятельности Левитского большую шумиху, его статьям уделяла место и либеральная печать (напр. «Русские Ведомости»). Это заставило В. И. Ленина выступить в журнале «Новое Слово» с суровой отповедью маниловскому прожектерству Левитского (см. Собр. соч., т. II, стр. 275—280).

Прим. 7. Н. Каблуков профессор Московского университета, экономист и статистик, правый народник, автор ряда трудов по экономике сельского хозяйства («Лекции по экономии сельского хозяйства», «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России», «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» и др.), в которых отрицается экономическая прогрессивность капитализма в земледелии по сравнению с мелким хозяйством, идеализируется мелкое производство и отработочная система.